

АЛЕКСАНДР СТЕСИН

ПУТЕМ ЧАЯ

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ
В СТРОЧКУ И В СТОЛБИК

ПИСЬМА
РУССКО
ГОПУТЕ
ШЕСТВЕ
ННИКА

029

Новое
Литературное
Обозрение

Письма русского путешественника

Александр Стесин

**Путем чая. Путевые заметки
в строчку и в столбик**

«НЛО»

2017

Стесин А. М.

Путем чая. Путевые заметки в строчку и в столбик /
А. М. Стесин — «НЛО», 2017 — (Письма русского
путешественника)

ISBN 978-5-4448-0497-1

Действие новой книги Александра Стесина разворачивается вдалеке от знакомых его читателю африканских маршрутов. Здесь собраны рассказы о странствиях по Югре, Сибири, Аляске, Мексике и Японии. Травелоги Стесина напоминают – может быть, очень вовремя, – что культурные барьеры не исключают коммуникации и что попытка понять чужую культуру обогащает собственную. Эти тексты написаны с неизменным юмором – и уважением к встреченным людям и увиденным местам. В книгу также включены стихи, на которые Стесина вдохновили его путешествия. Александр Стесин (р. 1978) – врач, поэт, прозаик. Публиковался в российских и зарубежных журналах, выпустил три книги стихов и две книги в серии «Письма русского путешественника» («Приди и возьми», 2013 и «Ужин для огня», 2015). Живет в Нью-Йорке.

ISBN 978-5-4448-0497-1

© Стесин А. М., 2017

© НЛО, 2017

Содержание

Часть I	5
Лесные люди	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Стесин

Путем чая. Путевые заметки в строчку и в столбик

Часть I

Лесные люди

«Югра же людье есть язык нем, и соседять с самоядью на полунощных странах. Югра же рекоша отроку моему дивно мы находихом чудо, его же несмы слышали прежде сих лет, се же третье лето поча быти: суть горы заидуче в луку море, им же высота ако до небесе, и в горах тех кличь велик и говор, и секуть гору, хотяще высечися; и в горе той просечено оконце мало, и туде молвят, и есть не разумети языку их... Есть же путь до гор тех непроходим пропастьми, снегом и лесом, тем же не доходим их всегда; есть же и подаль на полунощи».

Рассказ Гюряты Rogовича из «Повести временных лет», 1096 г.

Легенды: Пелымское княжество

Последними исчезают имена – не те, которыми называли людей, а те, которыми люди называли свое пространство. Вишера, Лозьва, Вижай – названия рек, унаследованные от племен, населявших территорию Северного Урала задолго до прихода угров; единственные слова, оставшиеся от давно вымерших, давно безымянных народов. Топонимы долговечней этнонимов. Имя рек – имя рода.

Летом 1483 года по этим рекам прошли судовые рати Федора Курбского-Черного и Ивана Салтыка-Травина, посланные Иваном III в военный поход на Пелымское княжество, которое в ту пору (правление Асыки и его сына Юмшана) достигло своего расцвета. В Никоновской и Устюжной летописях подробно описан тот поход, продлившийся шесть месяцев: горный волок через перевалы Среднего Урала, сплав по обмелевшим притокам Лозьвы. Ушкуи и пушки тянули бечевой; ядра, пищали, весла и тюки с провизией несли на плечах... В отличие от всех предыдущих кампаний (начиная с 1032 года новгородские дружины неоднократно «ходили на Югру» и каждый раз терпели поражение) предприятие Курбского-Черного и Салтыка-Травина увенчалось успехом: 1 октября 1483 года вогулы были разбиты, князь Юмшан бежал с поля боя. Как известно, историю пишут победители.

Сведений о прошлом манси сравнительно мало. Известно, что в XI–XII веках мансийские юрты и паули начали объединяться в княжества. К середине XIV века Пелымское, Кондинское и Табаринское княжества объединились в Пелымское государство; малые князцы подчинились большому князю. Власть большого князя в свою очередь ограничивалась Народным собранием, Советом старейшин и главным шаманом (памом). Помимо народного ополчения в княжестве существовала постоянная армия – дружина богатырей (отыров); во время сражений отыры первыми шли в атаку на боевых лосях.

В отличие от оленеводов тундры – ненцев и ямальских хантов, – чьи земли граничили с Пелымским княжеством на севере, манси были таежными охотниками. Там, где путь «непро-

ходим пропастьми, снегом и лесом», располагалось их таежное государство. На сегодняшний день узнать об этом народе можно не только из русских летописей и записок этнографов, но и из рассказов стариков, в том числе и последнего потомка пелымских князей Константина Шешкина.

Семидесятишестилетний охотник дед Костя, младший брат художника Петра Шешкина, живет один в полузаброшенном поселке Бурмантово. С виду он похож на старичка-боровичка: низкорослый старик с белой окладистой бородой и полупьяными-полусмеющимися глазами. В молодости Шешкин служил в войсках МВД, потом сидел за убийство. По слухам, он хранитель тайны местонахождения Сарни-Эквы (легендарной Золотой Бабы, за которой охотились все кому не лень: новгородские ушкуйники во времена Асыки и Юмшана, миссионер Григорий Новицкий в XVIII веке, отряды НКВД в конце 30-х годов). Он готов говорить часами; в его репертуаре – многочисленные предания о богатырях, князьях и войнах. Кажется, он действительно многое помнит, но большая часть из того, что он с таким упоением рассказывает пришельцам, – выдумка. Правду нельзя рассказывать чужим, а из своих давным-давно никого не осталось.

Предварительные данные

По переписи населения 2002 года, в Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО) Тюменской области проживает около 11 000 манси. В последние годы много внимания уделяется «возрождению мансийской культуры и развитию этнотуризма»: в восстановленных деревнях строят туристические комплексы, то и дело устраивают всевозможные выставки, фестивали и показательные выступления. Паломников, стекающихся отовсюду в поисках настоящего северного колорита, приветствуют аборигены в национальных костюмах; любителям острых ощущений предлагают различные виды «экстрима»: переночевать в юрте, попасть оленей, побывать на Медвежьем празднике или даже поохотиться вместе с манси. Словом, нормальное «сафари для белых людей». Вряд ли кого-нибудь удивит тот факт, что традиционной культуры манси в этой стране пятизвездочных чумов и пластмассовых шаманов осталось крайне мало: около половины мансийского населения Тюменской области – горожане; подавляющее большинство считает родным русский язык.

Между тем традиционные быт и культура «лесных людей» во многом сохранились среди тех немногочисленных представителей народа, что живут в соседнем регионе, на севере Свердловской области, там, где в XV веке располагалось Пелымское княжество, а в XX – один из самых «строгих» лагерей архипелага ГУЛАГ. Считается, что в Ивдельском районе и на Пелыме осталось около 140 манси. Именно к ним приезжают исследователи из ХМАО, собирающие этнографические материалы и экспонаты для музеев. Здесь до сих пор существуют оторванные от цивилизации родовые селения (паули) основных фамилий: Самбиндаловы, Куриковы, Анямовы, Бахтияровы, Хандыбины, Пеликовы, Тасмановы, Пакины... Кстати, при всей своей русифицированности это исконно мансийские фамилии: Анямов – от «аням» (нарядный), Самбиндалов – от «сампинтал» (слепой), Тасманов – заносчивый, Пакин – тот, у кого есть шишки.

В здешних лесах находятся также два уцелевших многосемейных поселка – Тресколье и Лепля, – чуть ли не единственные места, где до сих пор говорят на чистом мансийском языке. До этих поселков, затерявшихся в тайге и не обозначенных на картах, уже который год пытаются добраться наши знакомые этнографы, специалисты по культуре и генеалогии пелымских и лозьвинских манси. Они любезно согласились взять нас в одну из своих экспедиций.

Прибытие

По сравнению с шестимесячным путешествием Курбского-Черного все не так уж плохо: за 15 часов поезд дальнего следования покрывает расстояние от Екатеринбурга до Североуральска; от Североуральска до Ивделя (последнего крупного населенного пункта на нашем пути) – час на машине; от Ивделя – еще четыре-пять часов езды по «земле незнамой».

Наша команда состоит из пяти человек: три профессиональных путешественника-этнографа (Наташа, Влад и Сергей Султанович) и два энтузиаста-неофита (то есть мы с Аллой).

Наутро, высадившись в Североуральске, мы долго ищем водителя – того, который провез бы нас по тайге на своем «Урале» или гусеничном вездеходе. К полудню, договорившись о транспорте и дожидаясь оно, идем гулять по городу. По существу, это не город, а спальный район любого из больших городов предыдущей эпохи. Тут можно вспомнить многое из советского детства. Спальный район или спальный вагон, несколько десятилетий назад отцепленный от состава.

Через восемь часов, потребовавшихся для починки огромного грузовика «Егерь», экспедиция погрузится в кабину и водитель Олег, который за немалые деньги согласился оставить нас в пункт назначения, хрипло буркнет: «Поехали!»

Участок пути до Ивделя сравнительно легкий: большей частью асфальтированная дорога, местами – грунт. Дальше начинается бездорожье, тряска по узкоколейкам, переезды «вброд» через речки Питим и Вижай. Бесконечная таежная глушь, изредка перемежающаяся с полузаброшенными селениями и покосившимися знаками «Режимная территория». Угрюмые темно-серые скалы. На одной из них безмянными зэками вырублены профили Ленина и Сталина. Поселок Ушма, с которого должна начаться экспедиция, уже где-то рядом.

На протяжении всего маршрута от Ивделя до Ушмы с пассажирами «Егеря» происходит примерно то же, что с бельем в барабане стиральной машины. Трудно представить себе, как пробирались через эти чащобы «коренные» жители, колонизаторы двух мастей: угорские кочевники, две тысячи лет назад пришедшие с юга, в ту пору еще не оседлавшие своих боевых лошадей, и отряды заключенных, прибывавшие сюда всего несколько десятилетий назад.

Для последних здесь были предусмотрены четыре режима и поселения. Это Ивдельлаг, система из семи лагерей, учрежденная по приказу Сталина в 30-х годах. Поселок Ушма – первое в Советском Союзе поселение-колония, где заключенные и расконвоированные работали на лесоповале. Как известно, «лесные лагеря» строили сами зэки, живя в балаганах из жердей и лапника, отапливаемых кострами. Кажется, в одну из таких колоний был отправлен мой дед, выходец из Румынии («перемещенное лицо с западных территорий»). Те, кто возвращался из таких мест, давали расписку о неразглашении условий содержания; за всю жизнь дед не обмолвился ни словом.

С конца семидесятых лагерь пустует, и до недавнего времени население Ушмы исчислялось одним жителем – манси Степаном Анямовым. Два года назад администрация Ивдельского района приняла решение построить на месте бывшего ГУЛАГа поселок для мансийских семей. Наняли строителей – бригаду из одиннадцати человек.

В вечер нашего прибытия строители, оказавшиеся шестнадцатилетними пацанами с щербатыми улыбками и «знаковыми» наколками, пришли знакомиться, не успели мы развести костер. Впечатление они производили скорее приятное: не лезли с излишними вопросами, а просто, как могли, поддерживали светскую беседу, терпеливо дожидаясь, когда нальют. Рассказывали о своей работе, о том, что строят поселок «для мансей, только манся тут жить не станет, по лесу разбегутся»... Наконец терпение подрядчиков было вознаграждено: их угостили, но – во избежание эксцессов – наливали не спирт, а доселе неведомый им глинтвейн, только что сваренный на костре. Когда глинтвейн закончился, так и не оказав ожидаемого действия, энтузиазм быстро угас, и наши новые знакомые поспешили откланяться, внезапно вспомнив, что их давно ждет бригадир.

В ту ночь мы решили не ставить палаток, а заночевать в свежестроенной мансийской бане. Кое-как расположились на полу и на скамейках, одолеваемые несметным полчищем комаров. Примостившись в углу, я поставил рядом с собой «противокомарную» свечку. Свечка подействовала: комары перестали кусать. Но и подышать не спешили. Летая где-то над головой, они зловеще гудели своими авиационными моторчиками. Затем в ход пошла тяже-

лая артиллерия – со стены на меня посыпались какие-то вогульские тараканы. Единственный выход – забраться в спальник с головой и застегнуть молнию. Не продохнуть, зато без насекомых. Под утро полубред бессонницы оформился в жутковатый короткометражный фильм. В фильме фигурировали гигантские комары-истребители, деревянные идолы с фотографий из Североуральского музея, башкирский егерь Сергей Султанович в костюме шамана. Первый сон на мансийской земле.

Ушма. Дядя Рома

Степана Анямова не оказалось дома: как раз накануне нашего приезда он ушел в горы за золотым корнем. Об этом сообщил нам один из вчерашних гостей, решивший провести нас с утра («От работы отлынивает, вот и пришел провести», – пояснил Султаныч). Максим – так звали отлынивающего работника – неторопливо брел по берегу Лозьвы в компании коренастой, низкорослой девушки с русыми волосами, сильно выдающимися скулами и раскосыми голубыми глазами.

– А вас как звать? – обратилась Наташа к спутнице Максима.

– Таня.

– А по фамилии как?

– Анямова.

– Вы-то нам и нужны... Мы тут вчера в Североуральском музее как раз запись слушали. Там кто-то из Анямовых пел и на санквылтапе играл. Это не ваши родственники были?

– А это, может, мамка моя была. Она у нас песни поет.

– А можно будет попозже к вам в гости заглянуть?

– Ага, можно, ага. Мы вон там вот живем. Только там нет никого. Все в Тресколье. А тут только мы с сестрой, и дядя Рома вот погостить пришел. Я тут поваром работаю для строителей.

– А в Тресколье дорогу вы нам не покажете?

– Ага, покажем, да. Если дядя Рома отпустит.

Когда они отошли чуть подальше, Наташа объяснила, что Тресколье находится где-то совсем недалеко от Ушмы, но надеяться на визит не стоит: манси никогда не показывают посторонним дорогу в свой главный поселок. Как свидетельствуют многие этнографы, это один из самых «закрытых» народов Русского Севера.

– Так ведь она же вроде согласилась показать?

– Да нет, это просто у них присказка такая: «ага, да, ага...»! – засмеялась Наташа. – Вот, например, спрашиваю я как-то раз у дяди Пети Хандыбина, много ли осталось Хандыбиных в их родовом селении. Он мне: «Ага, ага». – «Много?» – переспрашиваю. «Ага, да...» – «Ну сколько?» Он на меня смотрит недоумевающе: «Чего-чего? Так ведь... никого не осталось-то».

Мы шли друг за другом по узкой тропинке, протоптанной между заросшим лугом и неглубоким оврагом, за которым начинался лес. Лозьва – одна из священных рек манси – разделяла поселок на две части. Попасть на другой берег (туда, где находится жилище Степана Анямова) можно было лишь по подвесному бревенчатому мосту. Половина бревен была выбита, и все сооружение было настолько шатким, что казалось, любой переход через этот рубикон легко может стать последним. Впереди виднелись полуразрушенные постройки, кое-где еще огороженные колючей проволокой.

КПП, бараки, казармы, лагерный ларек. Все постройки в зоне деревянные, кроме БУРа. Внутри БУРа всё как после бомбежки: обвалившиеся стены, входы-выходы завалены балками и кирпичами. В общей камере до сих пор стоят нары и оцинкованная параша, но нет пола – просто голая земля, поросшая щетинистыми сорняками, какой-то хищной инопланетной флорой. В карцерах же есть и пол, и бетонные стены, есть маленькие зарешеченные окошки, через которые почти не проникает свет. Особенно впечатлила одна из этих одиночек. Стены в ней сплошь утыканы гвоздями, чтобы узник не мог прислониться, а пол весь в шипах – долго на

нем не просидишь. Таким образом, если нары пристегнуть к стене, заключенному остается либо стоять, либо сидеть на корточках.

Местные жители постепенно разбирали бараки по доскам. Лишь несколько «предметов быта» не успели еще найти своих хозяев: среди груды досок и металлолома попадались то непарный сапог, то ржавое ведро.

На полу одного из офицерских домиков валялась книга, вернее, то, что когда-то было книгой, – ворох пожелтевших заляпанных страниц печатного текста. «В прошлый раз мы еще находили детские игрушки, – прокомментировал Влад, – но, видимо, манси их уже оприходовали... Вообще-то в Ушме было сразу всё: и лагерь особого режима с рабочей зоной, и поселения... Мне один манси рассказывал – он тогда здесь работал на лесобирже, – так вот он говорил, что на вышках в основном женщины стояли. Считалось, что они более бдительные, что ли, ну и пьют меньше... Здесь от самой тюрьмы, как видишь, мало что осталось. А вот в Хорпии – там всё в целости и сохранности. В общем, сам всё увидишь...»

У Анямовых нас встретил тот самый бригадир, на которого вчера ссылались ребята, не удовлетворенные нашим глинтвейном. Это был высокий мужик лет сорока, с глубоким шрамом от ножевого ранения, проходящим через всю грудь. Он смотрел на собеседника немигающим взглядом; лицо не меняло выражения, даже когда он смеялся.

«Этот – из сидевших», – предположил Влад. Впрочем, так же можно было охарактеризовать и остальных местных жителей. Народ, выдавший виды. С ними стараешься «правильно контактировать», не говорить лишнего и все время чувствуешь, как тебя «прощупывают».

Во дворе анямовского дома стояла кирпичная печь; рядом была подвешена сетка с вяленой лосятиной. В стену сарая было вбито несколько гвоздей, на которых висели медвежьи и лосиные челюсти. Из двухкассетного магнитофона, установленного на ступеньках и включенного на полную громкость, лился лагерный шансон.

Как известно, один из самых испытанных способов войти в контакт с аборигенами – продемонстрировать рудиментарное владение их языком или хотя бы знание нескольких фраз. Я уже держал наготове свое «Пася рума, ам намум Саша», но в последний момент, к счастью, одумался. Наташа, человек куда более опытный и осведомленный, пошла другим путем. Поздоровавшись с сестрами Анямовыми, она сразу завела разговор об общих знакомых: справилась о здоровье тети Ани Хандыбиной, вспомнила, что у кого-то из Пакиных недавно родился мальчик... «Так нет больше мальчика, – отозвалась Таня. – Простудился он как-то, мамка стала его солью лечить, горло ему грела. А потом заснула, не уследила – соль-то горло пережгла – и всё...»

Разговор явно не клеился. В критический момент обоюдного дискомфорта Таня вдруг спохватилась: «Так вы ж в Тресколье хотели, да? Сейчас позову дядю Рому». Зайдя в избу, она обратилась к кому-то по-мансийски. В ответ послышалось кряхтенье, затем – пятиминутная тирада на угорском наречии, пересыпаемая русским матом. Наконец говорящий замолчал, а через минуту резюмировал по-русски: «Всю ночь спать не дают».

На крыльцо вышел маленький человечек с большой головой. Больше всего он походил на гномика из мультфильмов, разве что без бороды, и одежда не совсем подходящая: треники, футболка, старая бейсбольная кепка с надписью «New York». Мы представились. «Ага, будем знакомы, да, – зататорил человечек, – я дядя Рома. Ну это меня все так зовут, потому что мне уже за пятьдесят. Я у них, получается, за старшего, ну? А вы сами откуда будете? Этнографы, да? Пойдемте, я вам все покажу. Мансийский поселок, ага. Тут, знаете, бывает, дорогу не показывают. В тайне держат, ну. А чего таить, все равно уже скоро ничего не будет. А так вы всё запишете, пофотографируете, хоть память какая о нас останется... Ну пойдем, тут недалеко».

По Наташиным наблюдениям, большинство манси выбирают одну из двух стратегий общения: одни не рассказывают ровным счетом ничего, другие рассказывают всё – легенды, обычаи, обряды, – но ничего не показывают, и, как выясняется позже, всё рассказанное ими

было придумано на ходу. Дядя Рома не принадлежал ни к одной из этих категорий. В Тресколье о нем говорили то как о юродивом, то как о местном философе. Жена его умерла родами двадцать с лишним лет назад, оставив сына Колю. Растить Колю помогал брат дяди Ромы, Василий. Несколько лет назад Коля перебрался в Ивдель (теперь он работает там на спиртзаводе). Примерно тогда же от дяди Ромы «ушел» и брат Вася: пьяный охотник из другого селения якобы принял его за лося... «Так что теперь вот живу один», – заключил повествование наш новый знакомый. По-русски он говорил с сильным акцентом (мансийский акцент слегка напоминает эстонский), но в первые же пять минут общения его речь обнаружила довольно обширный словарный запас.

Когда дядя Рома говорил про «недалеко», он имел в виду: по мансийским меркам. 40 километров здесь считаются расстоянием, которое нетрудно осилить пешком. До Тресколья было всего километров десять, но идти нужно было через тайгу и болота, и, хотя наш проводник все время советовал нам идти «по тропинке» («Идем лучше здесь, здесь тропинка»), никаких тропинок никто, кроме него, не видел. Он шел напролом. Казалось, он вовсе не замечал комаров и мошки, облепляющих все тело (вспоминались истории об излюбленной лагерной пытке, когда заключенного в голом виде «выставляли на комариков»).

Через полтора часа мы вышли к реке. «Манси никог-та не блудит, просто толго ходит», – нараспев и с подчеркнутым акцентом произнес дядя Рома. Пошарив в тальнике, он извлек оттуда пару охотничьих сапог: «Я их всегда здесь храню. В них легче вброд переходить». За неимением сапог (знали бы, захватили бы бахилы из лагеря!) мы решили идти босиком: сняли обувь, закатали штаны и последовали за проводником. Это была быстротечная река. Вода оказалась высокой (по пояс), дно – каменистым. Где-то на середине Алла попала в стремнину. Я бросился к ней, поскользнулся, и один из моих ботинок выпал из рук. Течение унесло его, прежде чем я успел до него дотянуться. «Как же ты дальше пойдешь?» – «Как, как, босиком, как же еще!» Выкарабкавшись на берег, мы побежали догонять остальных. Через несколько метров мои ступни уже были в крови.

– Дядя Рома, подождите, Саша потерял ботинок, ему не в чем дальше идти! – закричали Алла и Наташа.

– О-па, ух ты, о-па, как же вы так, ой-ой-ой... Ну пускай мои сапоги наденет... Как же вас угораздило, у-у? – забормотал дядя Рома, заметно теряя интерес к нам и ко всему происходящему.

Прилив мужской гордости смешался с обидчивостью избалованного ребенка: я не слабак, пойду дальше как есть. Идти еще далеко, и уже больно. Надо как-то отвлечься, сосредоточиться на чем-нибудь другом. Например, на флоре и фауне. Вот птица на ветке сидит; а теперь спорхнула. Как ее звать?

– Дядя Рома, а что это там за птица?

– А это кулик, куличок лесной, – отозвался дядя Рома, снова оживляясь, – а там вот у воды бобер сидел, видел, Саш? Знаешь, как на бобра охотиться надо?

– Не-а.

– Главное – одно правило помнить. В бобра можно стрелять, только когда он сидит к тебе спиной. Если он обернулся и на тебя посмотрел, ни в коем случае нельзя его убивать: убьешь – он души твоих близких с собой утащит... Я вот, перед тем как брат мой погиб, на бобра охотился... До сих пор думаю, может, он на меня посмотрел тогда, а я и не заметил...

Тресколье

Родовые уголья Анямовых, Пакиных, Бахтияровых – остатки страны Манчи-Ма. По их словам, «Ханты-Мансийский округ – это округ, а здесь – страна». Последняя столица этой «страны» – Тресколье. Если верить Google Earth, такого места не существует. Если не верить и идти за дядей Ромой, в какой-то момент тайга расступится и откроется вид на поселок из семи домов, судя по всему, несильно отличающийся от вогульских паулей времен Пелымского кня-

жества. Здесь стоят типичные для манси «избушки на курьих ножках» – деревянные домики на высоких пнях-опорах. Это лабазы (сумьях) и жилища духов-покровителей (ура-сумьях). Рубленые избы с пологими берестяными крышами. Возле каждого жилого дома – каменная печь для выпечки хлеба (нянь варны кур), навес для сушки мяса и рыбы (савок), конура-шалашик для лаек (котюв-кол). Нарты, чирканы¹, олени шкуры. Перевязанные оленьими жилами люльки, берестяные под сумки, рыболовные сети, сотканые из ягеля. На краю поселка – баня и «мань-кол», отдельный сруб, где во время родов и менструации живут женщины. Электричества в Тресколье нет. Нет и огородов: манси никогда не занимались земледелием. Зато есть пустующий загон для оленей. Последнего оленя продали десять лет назад.

Каждый дом разделен на две половины – мужскую и женскую. Над кроватями на мужской половине – задернутые занавесками божницы. На деревянных полках стоят куколки «иттермы» – вместилища для душ усопших. В отдельных домах рядом с куклами попадаются православные иконки. Как мне объяснили, после крещения в XVIII веке пантеон манси пополнился новыми персонажами: Христом, который отождествлялся с богатырем Мир-Сусне-Хумом («человеком, осматривающим мир»), и Богородицей, которую считали одной из жен верховного бога Нуми-Торума. На Пасху («Паскин день») каждую иконку здесь угощают хлебом и водкой.

Мужчин в поселке не оказалось: все ушли в лес, обещали вернуться через несколько дней. Женщины возились на участках: пекли хлеб, стирали в ведрах, скорее всего найденных на территории бывшего ГУЛАГа, развешивали белье на веревках. Увидев нас, они быстро ныряли в дом, а через несколько минут выходили во двор в широких пестрых платьях в крупный цветок и платках с кистями. Первой вышла тетя Шура, женщина лет шестидесяти, попечительница Тресколья. «С тех пор как я один, тетя Шура мне как мама, – объяснил дядя Рома. – По-русски она понимает, но не очень. Вы, что хотите сказать, мне говорите, а я ей переведу». У тети Шуры было широкое морщинистое лицо и длинные, черные с проседью волосы, заплетенные в косы. «Можно я вас сфотографирую?» – спросил я и потянулся за фотоаппаратом. «Не на-то, – замахала она, – я старый, пессубый...»

Тетя Шура вынесла свежесвеженный хлеб и вяленое мясо, заварила чай из таволги и жестами пригласила всех к столу, стоявшему на участке. Рядом со столом она поставила ведро, в котором дымились ветки лиственницы – мансийское средство от комаров. Пока мы обедали, из окошка дома то и дело выглядывал мальчишка лет пяти. Это Тимоша, внук тети Шуры. «Тимоша, иди к нам обедать», – позвал дядя Рома. Но Тимоша не шел – он прятался в доме, смотрел на меня из окошка и снова прятался. Я закрыл лицо руками, делая вид, что тоже «прячусь», и его рожица тотчас мелькнула в окошке. В этот момент на мою ладонь села большая оранжевая бабочка. Осторожно подняв руку, я показал ее Тимоше. «Лапынтэ!» – засмеялась тетя Шура. «Алка, быстро щелкни меня с бабочкой, пока она не улетела». Но лапынтэ и не думала улетать. Я пересадил ее на другую руку, потом на стол. На столе бабочке не понравилось: мгновенно взлетев, она села мне на нос. Тимоша выбежал из дома, подбежал к нам – ручную бабочку передали ему. Тетя Шура опять засмеялась, сказала что-то по-мансийски. «Пойдемте в дом», – перевел дядя Рома.

В избе у тети Шуры светло и чисто. Кровати на женской половине застелены вышивными покрывалами, на мужской – оленьими шкурами и белыми простынями: здесь раньше спал покойный муж тети Шуры Николай Анямов, последний шаман Тресколья. Когда-то у него был преемник – мальчик Коля, родившийся шестипалым. Колю с детства готовили в шаманы, заплетали ему косы, водили в лес «слушать язык зверей». Но в восемнадцать лет Коля, как сын Тараса Бульбы, переметнулся на вражескую сторону: влюбившись в русскую девушку Валу, будущий шаман сбежал от манси.

¹ Охотничья ловушка.

В правом переднем углу стоит большая печь. Вместо обоев – вырезки из глянцевых журналов, невесть как попавшие сюда, фотографии каких-то полуобнаженных топ-моделей и советских певцов, реклама иномарок и англоязычные надписи – все что угодно, главное, чтоб покрасочнее и поэкзотичнее.

Рассадив всех по местам (мужчины – на кроватях на мужской половине, женщины – на полу), дядя Рома вынес музыкальные инструменты – однострунную скрипку и санквылтап. Санквылтап – пятиструнные гусли с резонаторным ящиком, которые выдалбливаются из ствола кедра. Струны делаются из оленьих кишок. Во время игры музыкант наматывает на палец ниточку, к которой привязана куколка йиквне-хум («танцующий человечек»). «На санквылтапе я не очень умею, это я вам посмотреть принес. А вот на скрипке могу немножко». Он взял в руки осиновый смычок и заиграл песню о реке Ушма. Тетя Шура молча сидела на женской половине. «Обычно она мне подпевает, но для этого маленько налить надо...» Песни о реках, песни об охотниках, песни о деревьях. Деревья, как выяснилось, делятся на две категории. Лиственные – это русские, потому что «быстро растут и размножаются», а хвойные – это манси, потому что «растут медленно, как богатыри». Вообще тут всё – о богатырях. «Когда враги убивали наших богатырей, богатыри становились присматривающими духами, теперь у каждого пауля свой пупыг». «Торум ёт, ор ёт!» («Вместе с богом, вместе с богатырями!»). Если учесть, что средний рост манси – метр с кепкой, это «богатырство» кажется несколько смешным. Но ведь были Асыка и Юмшан, были вогульские рати. Когда видишь, как крошечный манси идет по непроходимой тайге, или узнаёшь, что седая старуха до сих пор ходит на лося (в молодости ходила и на медведя), легенды начинают казаться более правдоподобными...

Легенды: Куриковы, Холат-Сяхыл

Никиту Курикова называют «гордым манси». Лучше, говорят, его не злить. Вспоминают следующую историю. Как-то раз Никита пошел на медведя с двумя русскими охотниками из соседнего поселка. Долго блуждали по лесу, пока наконец не столкнулись с тем, кого искали. Манси выстрелил в медведя, но выстрел был неудачным. Когда разъяренный хозяин тайги набросился на незадачливого охотника, испуганные товарищи дали стрекача. На следующее утро они вернулись за трупом Курикова. Но нашли не труп, а живого Никиту, «переодевшегося в медведя»: убив зверя ножом, охотник вспорол ему брюхо, выпотрошил внутренности и забрался внутрь (таким образом он грелся всю ночь). Сидя в таком «убежище», раненый Никита пил медвежью кровь, чтобы восстановить силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.